

На правах рукописи

Гнатьюк Максим Александрович

**ИНЕРЦИОННОСТЬ В ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКИХ
СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ**

5.7.8. Философская антропология, философия культуры

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

доктора философских наук

Белгород, 2025

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Приволжский государственный университет путей сообщения»

Научный консультант:

Воденко Константин Викторович, доктор философских наук, профессор

Официальные оппоненты:

Комиссаров Сергей Николаевич, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра по связям с общественностью и средствами массовой информации ФГБУН «Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук»;

Похилько Александр Дмитриевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры общих, гуманитарных и естественно-научных дисциплин ОЧУ ВО «Армавирский социально-психологический институт»;

Шестаков Юрий Александрович, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области

Защита диссертации состоится «03» июля 2025 года в 14.00 час. на заседании диссертационного совета БелГУ.22.04 созданного на базе ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» по адресу: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, ауд. 3-33.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И. Страхова и на официальном сайте ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» <http://www.bsuedu.ru>.

Автореферат разослан «___» _____ 2025 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета

С. В. Резник

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В общей динамике социокультурных изменений феномену инерции отводится ключевая роль. Ни одно общество и не одна культура не функционирует вне инерционных процессов, которые в каждой конкретной социокультурной реальности и ситуации разворачиваются по собственному сценарию и логике развития. Именно поэтому процессы социокультурных изменений отличаются ярко выраженным диалектическим характером, что проявляется в сочетании черт и характеристик устойчивости и нестабильности, неопределенности и прогнозируемости, прогресса и регресса, архаизации и модернизации. При этом констатация феномена ускорения социокультурных изменений, которая отличает многие современные исследования, зачастую является предуведомлением тезиса об упрощении повседневных практик и самой культуры. Сложная социокультурная реальность упрощается и как бы «застывает», являя нам пример инерции и связанных с ней сложных процессов деградации, регресса, отката назад и кризиса.

В российских реалиях воспроизводство и трансформация культуры происходит в сложных и противоречивых условиях, когда деятельностные тренды доминирующих субъектов культуры, актуальные культурно-антропологические практики, традиционные компоненты ценностной системы, сложившиеся типы массового сознания зачастую противостоят нововведениям, препятствуют усвоению инноваций и укоренению современных социальных институтов, но, в условиях жесткого геополитического противостояния позволяют сохранить устойчивость, а возможно, и просто выжить. Заметную роль в этих процессах играет феномен социокультурной инерции, все еще недостаточно отрефлексированный и тем более не извлеченный из «темноты наличного бытия» на уровень концептуального осмысления.

Теоретическая и практическая необходимость исследования социокультурной инерции связана с проблемным полем изучения культурной и социальной реальностей через выявление противоречий, обусловленных

«запаздывающим», инерционным характером социокультурных преобразований, противоречием между традицией и новацией. Тематика социокультурной инерции как свойства социальных систем сохранять свое привычное состояние, возвращаться к сложившимся пластам культуры и культурной памяти, элементам социальных отношений, культурно-антропологических и властных практик в пространстве социокультурных изменений все более отчетливо позиционируется в философском дискурсе и сфере социального познания и требует своего осмысления, особенно в границах языка философии культуры.

Обращение к феномену социокультурной инерции в контексте российских общественных трансформаций позволяет сформулировать проблему исследования, в основе которой лежит вопрос о том, каким образом проявляется инерционность в социальных и культурных процессах в ходе изменений, происходящих с нами здесь и сейчас. Концептуальный анализ и фиксация феномена социокультурной инерции также позволяют выявить значимые элементы преемственности (в том числе и квази-преемственности) между императорской Россией и советским периодом истории, между советской и постсоветской эпохами, определить роль культурно-антропологических практик, унаследованных от советского прошлого, в условиях современных социокультурных изменений.

Обращение к явлению социокультурной инерции обуславливается, конечно же, и тем, что Россия уже более 25 лет позиционирует себя как «общество реформ», изменяющееся и изменчивом мире, который за это время трансформировался от стремления построить с нашей страной партнерские отношения к явной конфронтации. Эти обстоятельства определяют высокую степень актуальности темы диссертации, прежде всего в практическом плане. Что касается научной стороны проблематики, то она актуализирована в той же степени, в какой очевиден пробел в области концептуализации и методологической разработанности социокультурной инерции как философской категории, при всем том, что инерционные процессы в развитии российского общества довольно часто попадают в фокус научных исследований, в том числе и философских. Однако эти исследования опираются, как правило, на основательную, но не собственную

теоретическую базу, сформированную на основе положений неoinституциональной концепции, теории исторической колеи, теории архаизации и др., абсолютизирующих изменения и отрицающих позитивную роль традиции.

Социокультурная инерция как феномен культуры предполагает единство индивидуально-практического и культурно-институционального модусов-измерений. В итоге проблема инерции в ее разнообразных воплощениях и конфигурациях оказывается ключевой для понимания механизмов социокультурной трансформации, динамики антропологических практик как фундаментальных, глубинных оснований жизни, вслед за которыми изменяется и все то, что М.К. Петров называл «интерьером».

В этих условиях практическая актуализация инерции выступает своеобразной формой редукции сложности и противоречивости мира культуры, сведение актуализированных процессов к ограниченному перечню изменений, фундированных динамикой культурно-антропологических практик и представленных новыми формами репрезентации. Значение исследования инерционности в гносеологическом, методологическом и прагматическом плане обуславливает актуальность избранной темы исследования.

Таким образом, **проблема диссертационного исследования** и его актуальность в контексте понимания социокультурных оснований и перспектив развития российского общества обусловлена, во-первых, теоретико-методологической значимостью изучения проблемы социокультурной инерции, способной повлиять как коррелят на иные области исследований не только в рамках философии культуры, но и в смежных социальных науках; во-вторых, назревшей потребностью экспликации концепта социокультурной инерции, связанного с рефлексией касательно фундаментальной проблемы оценки динамики социокультурных изменений, интенциями повторения и воспоминания о прошлом опыте на основе формирования методологической базы исследования социокультурных изменений через выявление функционального механизма и инвариантов проявления инерционности как свойства и характеристики

сложившихся культурных практик; в-третьих, отсутствием в предметно-проблемном поле философии культуры комплексных изысканий по данной теме.

Степень научной разработанности темы. История изучения социокультурной инерции имеет определённую традицию.

Опыт понимания сущности и дефинирования данного явления в социально-гуманитарном и философском познании свидетельствует об отсутствии единой и общепризнанной его интерпретации. Существует немало подходов, привнесённых из разных научных отраслей (психология, социальная психология, социология, экономика), по-разному освещающих теоретические и практические аспекты данного концепта.

Так, экономисты подходят к анализу инерционных процессов с целью выявления закономерностей развития социально-экономических систем, выявления связи между экономическими кризисами и инерционным фактором, поиска путей преодоления инерционной составляющей в экономических процессах (М.Ю. Журавский, К.В. Павлов, А.С. Самохин, В.Л. Сиднина, В.В. Поддубный, О.В. Романович, Д.А. Сакович, Е.Б. Дворядкина, Е.В. Голошейкин, И.В. Арагилян).

Связывая социокультурную инерцию с политическими процессами, исследователи стремятся осмыслить зависимость от социокультурных реалий, анализируют традиционные и современные способы легитимизации власти, методы управления в контексте влияния прошлого политического опыта, социокультурных детерминант феномена политической власти (М.С. Ильченко, В.И. Казакова, В.П. Макаренко).

Определенный пласт работ сложился в пространстве связи инерции и исторических процессов (В.К. Захаров, С.Р. Динабург, Ю.К. Кондратчик). Это направление очень ценно тем, что показывает не только историческую зависимость настоящего от прошлого, но и сам механизм этой зависимости, сформированный на основе положений теории исторической колеи, неинституционального подхода и ряда других методов, в рамках которых историческая динамика социума определяется как детерминированная его институциональной траекторией, сложившейся на предшествующих этапах исторического развития.

Отдельного внимания заслуживают исследования, связывающие состояние и эффективность управления в различных сферах общественной жизни с инерционными процессами (М.П. Муравьева, В.В. Узунов, Ю.С. Панфилова, В.П. Хоценко, В.К. Захаров.). В управленческой практике и теории фактор инерционности является одним из ключевых в расчетах параметров управления при оценке объекта управления с учетом его перехода от одного состояния к другому.

К этим исследованиям можно присоединить по принципу тематической близости работы, в которых анализируются различные, в том числе инновационные аспекты развития российских регионов с позиций негативного влияния фактора инерции, выступающего препятствием на пути эффективного функционирования институциональной систем общества и формирования субъектного потенциала у социальных акторов (М.Д. Розин., С.Я Сущий., В.В. Узунов, И.Г. Напалкова, А.С. Солдатова). Особое внимание обращено на пространственную характеристику регионов России и необходимость учета изучения инновационных процессов этого явления – пространственной инерционности. При этом пространственные факторы рассматриваются и как определяющие «предел возможностей» инновационного развития российского государства, и как значимый потенциал регионального развития в инновационном направлении. В отношении последнего аспекта интерес представляет позиция И.Г. Напалковой и А.С. Солдатовой указывающих на недооценку влияния традиций, обеспечивающих инерционность в развитии пространства России и возможности регионального потенциала в осуществлении инновационной стратегии экономического развития страны.

Не столь развито направление, в котором инерция и инерционность включены в контекст исследования отдельных явлений и процессов, но, тем не менее, такие работы наличествуют. В частности, представляет интерес обращение О.Ю. Посуховой к проблеме профессиональных династий с позиций осмысления характера и степени влияния инерционного фактора, а также выстроенную в работах других исследователей взаимосвязь между институциональной инерцией и состоянием российской системы образования, а также реформированием системы

защиты детства в России (В.В. Вольчик, М.М. Скорев, М.А. Костенко). Ученые проследили также взаимосвязь социального настроения и фактора инерции (Е.В. Балацкий, Н.А. Екимова).

Анализ указанных направлений и множества авторских позиций по проблеме социокультурной инерции показал, что однозначной оценки данное явление не получило. Различия в позициях фиксируются и на уровне теоретической интерпретации инерции (она рассматривается и как свойство, и как состояние социокультурной сферы, механизм ее воспроизводства, и как условие существования и функционирования социальных институтов, характеристика их особенностей), и на уровне ее оценки с точки зрения влияния на динамику общественных процессов и культурных изменений. Негативные оценки инерционных процессов даются, преимущественно, в контексте оценки реалий российской действительности.

В целом же можно констатировать, что в научном пространстве еще сохраняется противостояние мнений в отношении оценки роли инерции, в осмыслении ее как сугубо социальной характеристики и культурной составляющей, представляющей собой необходимое условие существования и воспроизводства общества и человека.

Сам исторический процесс, с точки зрения В.В. Деркача, возможен благодаря социальной инерции, а, согласно мнению Н.А. Матвеевой, одной из немногих, обратившейся к самому понятию социальной инерции как предмету теоретической рефлексии, природная сущность социальной инерции как характеристики социальной системы определяет значимость социально-философской интерпретации понятия инерции.

Основные подходы к концептуализации феномена социокультурной инерции связаны с такими направлениями как теория социокультурной динамики и социокультурного раскола, теория модернизации, теория зависимости от предшествующего пути развития, теория исторической колеи, теория социокультурной травмы и социальной энтропии, архаизации и неотрадиционализации и др. И здесь, конечно же, следует указать на работы таких

исследователей как А.С. Ахиезер, П. Бурдые, Г.А. Воробьев, А.Д. Похилько, А.Б. Гофман, В.В. Деркач, В.И. Ильин, В.А. Лапшин, Р. Патнем, Д.В. Сергеев, П.А. Сорокин, Ж.Т. Тощенко, Ю.А. Шестаков которые по праву можно включить в методологический базис фундаментальных исследований инерции любой отраслевой направленности и философской в том числе.

Необходимый философский контекст социокультурной инерции составляет широкий круг исследований на пересечении фундаментальных для науки проблем движения, изменения и покоя в трудах досократиков, Платона, Аристотеля, стоиков и далее Аврелия Августина, Фомы Аквинского. Начиная с эпохи Возрождения в общей теме социокультурных изменений появляются социально-политические коннотации (Т. Гоббс., Дж Локк., Ж.-Ж Руссо. и другие). Современная рефлексия культурных изменений и столь сильное влияние идеи развития не могло сложиться без все еще сохраняющих свою актуальность идей классической философии и Г.В.Ф. Гегеля прежде всего. Прогрессизм духа есть прогрессизм культуры, и только Ф. Ницше и позднее психоанализ внесли долю сомнения касательно этой общей установки. И конечно, нельзя не отметить влияние марксизма и особенно разработанного в нем понятия практики для изучения культуры современными философами. Проблемы социокультурной динамики в тесной связи с изменением культурно-антропологических практик активно разрабатывались ростовской философской школой (М.К. Петров, А.В. Потемкин, Е.Я. Режабек, В.П. Римский).

Предметом острой научной полемики выступает проблема модернизации российского общества, также включенная в дискурс социокультурных изменений и влияния фактора инерционности (Ю.Г. Волков, И.И. Горлова, Л.Л. Пшеничникова, В.Ж. Келле, С.Ю. Казеннов, В.Н. Кумачев, Г.Б. Клейнер, Е.А. Когай, Т.Л. Прокопчук, Н.И. Лапин, П.А. Меркулов, С.А. Морозов, А.В. Кудинова, Я.А. Пляйс, В.В. Тян). Ученые рассматривают источники, ресурсы, типы модернизации, причины модернизационных неудач России, а в последнее время дискурс постепенно смещается в сторону анализа архаизационных и неотрадиционалистских явлений и процессов в новой реальности России. В этом

направлении работают такие ученые как Д.М. Абдрахманов, В.П. Бабинцев, А.М. Буранчин, Л.В. Карнаушенко, С.Н. Комиссаров, Ч.К. Ламажаа, Н.Г. Хайруллина, В.А. Лапшин, Я.С. Мариненко, С.В. Хоружая, А.Р. Салчинкина, зачастую констатируя или прогнозируя развитие деструктивных и деградиационных процессов в развитии страны.

Таким образом, в философской и социально-гуманитарной мысли накоплен определенный опыт изучения различных аспектов проблемы социокультурной инерции, ее проявленности в экономических и исторических процессах, в отдельных сферах жизнедеятельности и социальных институтах. Однако в отечественной философской литературе феномен инерции еще не стал предметом комплексного философского исследования и концептуального анализа с позиций философии культуры.

Объект исследования – социокультурная реальность как пространство изменений, детерминированное влиянием инерционных процессов.

Предмет исследования – механизм и инварианты проявления инерции в динамике российских социокультурных изменений.

Цель диссертационного исследования – экспликация механизма и инвариантов проявления инерции в динамике социокультурных изменений в российском обществе.

Задачи диссертационного исследования:

- рассмотреть теоретико-методологические проблемы исследования социокультурной инерции в философском дискурсе;
- разработать методологический конструкт исследования инерции в динамике социокультурных изменений;
- выявить социокультурные основания проявления инерционной составляющей в российской истории;
- рассмотреть социокультурные особенности советского общества в фокусе механизма исторической инерции;
- проанализировать динамику инерционной зависимости современного российского общества от советского прошлого;

- рассмотреть феномен «социального повторения» в рамках социокультурных изменений современного российского общества;
- выявить культурные инварианты инерции в отечественных социально-политических и управленческих практиках;
- исследовать культурные инварианты инерции в повседневных практиках;
- определить характер влияния социокультурной инерции в практике российской модернизации;
- выявить вектор и альтернативы социокультурных изменений в российском обществе в контексте проявления инерционных процессов.

Теоретико-методологическая основа исследования. Основой методологического пространства данного исследования с целью обеспечения интегрального характера использования имеющегося дисциплинарного опыта в философском понимании инерции в социокультурных изменениях была выбрана неоклассическая модель научного исследования.

Методологический каркас исследования составили идейные положения и принципы неоинституционализма (в варианте теории исторической колеи, теории «Path dependence»), теории модернизации, архаизации и неотрадиционализации, социокультурного подхода, теория энтелехии культуры, концепции социальной имитации.

Центральное место в конструировании методологического поля исследования занимает социокультурный подход, разработанный П.А. Сорокиным. В частности, были использованы положения теории социокультурной динамики и социокультурных флуктуаций, послужившие теоретической базой при разработке индикаторов измерения социальных изменений, их направленности, выборе основных источников.

При конструировании методологической схемы исследования и понятийной конструкции были использованы идеи и разработки в области осмысления феномена социокультурной динамики российских философов (В.П. Римского, М.К. Петрова),

акцентировавших внимание на практиках трансляции культуры, воспроизводстве социокультурной системы и возникновении в ней новаций.

Составным элементом методологического конструкта выступает теория энтелехии культуры, раскрывающая механизм социокультурного воспроизводства через формирование и взаимодействие/противостояние культурных инвариантов и вариантов, а также элементы теории социальной энтропии, характеризующей особенности протекания социокультурных процессов и изменений в контексте заложенной в социальной системе инерционной траектории развития. В данном методологическом ключе немаловажное значение отводится концепциям архаизации и неотрадиционализации, раскрывающим суть инерционного эффекта в соотношении с внедряемыми в обществе инновациями в конкретных исторических и социальных условиях, характеризующихся воспроизводством архаичных социальных практик.

В работе использованы также идеи и положения парадигмы «социального повторения» и «социальной памяти»; концепция «социальной имитации»; теоретические положения концепции «общества спектакля» Ги Дебора.

Решение поставленных в диссертации проблемных задач потребовало также комплексного использования системного и сравнительно-исторического методов исследования.

Научная новизна исследования заключается в следующих тезисах.

- зафиксировано отсутствие самостоятельного теоретического поля философской рефлексии социокультурной инерции и обоснована необходимость разработки методологического пространства интегрального характера с возможностью использования имеющегося дисциплинарного опыта в изучении инерции в культуре;

- авторский методологический конструкт позволил определить социокультурную инерцию как механизм самосохранения и воспроизводства социокультурной системы путем сопротивления новациям, не соответствующим социокультурному ядру, образованному совокупностью культурно-

антропологических практик и системой ценностей; а также выделить три типа социокультурной инерции: прогрессивный, регрессивный и нейтральный;

- раскрыт социокультурный механизм проявления инерционной составляющей в российской истории, условно названный «турбулентным»; определены его ресурсный потенциал и функции в социокультурной динамике российского общества;

- проведен философский анализ советского общества и культуры в фокусе специфического механизма инерции турбулентного типа, способного обеспечить социокультурной системе траекторию устойчивого развития в экстремальной ситуации за счет повышения антиэнтропийного (энергийного) потенциала системы путем активизации культурных инвариантов;

- показана динамика инерционной зависимости современного российского общества от советского прошлого и обоснован ее мобилизационный характер в условиях постсоветской социокультурной реальности и глобального вызова;

- обоснована инерционная составляющая в парадигме «социального повторения» как зависимости от предшествующего пути развития в социокультурных изменениях современного российского общества, выступающего прямым продолжением общества советского в контексте практики «равнения на прошлое»;

- выявлены культурные инварианты инерции в социально-политических и управленческих практиках современного российского общества и фактор субъектности как определяющий показатель инерционных властно-управленческих практик, направленных на развитие и возникновение нового;

- исследованы культурные инварианты инерции в адаптивных практиках повседневной жизни российского общества и обоснован их противоречивый характер с позиций снижения потенциала субъектности, упрощения социальных практик, но также появления новых алгоритмов активного конструирования социокультурной реальности;

– выявлен прогрессивный характер инерционности в социокультурных изменениях современного российского общества, детерминирующий устойчивость модернизационных тенденций и вектор социокультурных изменений по типу социокультурного развития на основе содержания социокультурного ядра.

Основные положения, выносимые на защиту, состоят в следующем.

1. Анализ существующих теоретических подходов к исследованию инерции в социальной и культурной сферах позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время концепт «социокультурная инерция» употребляется как в онтологическом смысле, отражающем объективно существующие процессы и явления, так и в эпистемологическом смысле, заключающемся в использовании данного концепта для анализа социальной и культурной реальности в конкретных науках. В диссертационном исследовании предпринята попытка концептуального схватывания совокупности феноменов, связанных с изменениями в культуре и обществе, через обращение к понятиям культурно-исторической и культурно-антропологической практики как основы возможного изменения или его отсутствия. С этой методологической позиции культура не столько «имеет значение», несет определенную ценностную установку, сколько «действует», причем вариативно, посредством изменений (социокультурной динамики) и сохранения сложившихся практик (социокультурная инерция).

2. Использование в качестве базовой неоклассической модели исследования, позволяющей рассматривать социокультурную реальность в ее многомерности, определило построение методологического конструкта, основанного на положениях и принципах неинституциональной теории, теории модернизации, архаизации и неотрадиционализации, деятельностного и социокультурного подходов, теории энтелехии культуры, а также ряда других, сформированных в смежных отраслях социально-гуманитарного знания. Их интегральное использование в формате комплиментарности позволило определить социокультурную инерцию как механизм самосохранения и воспроизводства социокультурной системы путем сопротивления новациям, не соответствующим социокультурному ядру, образованному совокупностью культурно-

антропологических практик и системой ценностей. Сам механизм инерции в социокультурных изменениях обеспечивается конфигурацией и характером взаимодействия культурных инвариантов и вариантов, порождаемых самой социокультурной системой под влиянием факторов внешней и внутренней среды. Степень инерционности социокультурной системы как свойства сохранять свое состояние в условиях продолжающегося воздействия определяет характер социокультурных изменений. В рамках предлагаемого методологического конструкта выделяются три типа социальной инерции и инерционности: прогрессивный, регрессивный и нейтральный.

3. В плоскости исторической реальности российского общества фактор инерционности в социокультурных изменениях наиболее явно активизируется в периоды потрясений и кризисов, когда общество не готово к инновациям (культурным вариантам) и в стремлении к самосохранению актуализирует опыт прошлого (культурные инварианты), адаптируясь к изменившейся социокультурной реальности. Этот опыт содержит в себе в качестве устойчивых ориентиров исторического выбора, сформировавших «историческую колею» турбулентного типа, характеристики-антиномии такого типа как «порядок (сильная власть) – свобода (смута, бунт, анархия)», «историческая амнезия – ностальгия», «Восток – Запад» и др., провоцируя «ответ» на культурно-цивилизационный «вызов» в формате поступательного развития и культурной преемственности как стратегии самопознания и саморазвития, выстраиваемой на основе «культурного ядра». Такой «турбулентный» механизм социальной инерции как самосохранение и воспроизводство социокультурной системы содержит в себе, прежде всего, ресурсный потенциал для выживания, во вторую очередь потенции стратегического и долговременного развития. Его роль не ограничивается «спасательной функцией», в период стабилизации его функциональность трансформируется в алгоритм комплиментарного и эффективного взаимодействия традиционных (культурных инвариантов) и новых (культурных вариантов) форм, ценностей и форм бытия. Выполняется задача предотвращения нарушений механизма культурной преемственности как сбоя работы механизма социальной

инерции в социокультурных изменениях, когда социокультурная система входит в состояние новой фазы турбулентности.

4. С указанных позиций советское общество предстает не просто как продолжение общества имперского периода российской истории в координатах преемственности ментальных характеристик в воспроизводстве социокультурных практик, но и как реализация специфического механизма социальной инерции турбулентного типа, когда он способен обеспечить социокультурной системе траекторию устойчивого развития в экстремальной ситуации за счет повышения антиэнтропийного (энергийного) потенциала системы путем активизации культурных инвариантов. Политика исторического забвения (амнезии), отторжения западного пути в цивилизационной траектории, формирования образа врага как способа социальной консолидации при сохранении державных амбиций и авторитарных устоев социально-политической реальности в целом не противоречили инерционной логике развития имперской России. Прогрессивное влияние инерционности на характер социокультурных изменений в советский период завершилось со стабилизацией социокультурной ситуации. Снизившая степень инерционности социокультурная система советского общества отреагировала ростом энтелехийного потенциала, но появившиеся новые культурные формообразования (культурные варианты), антиномийные традиционным (инвариантам), стали источником очередного витка турбулентности, так как не состоялся общий «диалог» культур, включенных как в европейскую, так и советскую культурные ойкумены.

5. Распад советского государства вновь актуализировал механизм исторической инерции с характерными культурными инвариантами — на определенное время советское прошлое было предано анафеме, все западное стало образом прогресса и подражания, поиск «врага» остановился на самом обществе и консолидированное против этого внутреннего «врага» постсоветское общество погрузилось в череду конфликтов, войн и межнациональных столкновений. Эта инерционная стратегия стала разрушительной и травматичной для постсоветского общества, но в итоге позволила перезапустить механизм исторической инерции с

опорой на традиционные ценности и позитивные практики мобилизации в условиях противостояния вызовам. Положительное восприятие этого курса населением России обеспечено отчасти постсоветской реальностью с ее продолжительным кризисом, вызвавшим ностальгические настроения по бывшему СССР. Советское общество, в свою очередь, продолжило имперскую традицию государственного строительства и управления, унаследовав многое из старых институций эпохи Российской империи.

6. Механизм инерционной зависимости настоящего от советского прошлого коррелирует с явлениями, связанными с повторяемостью форм общественной жизни и культуры. Российское общество во многих отношениях выступает прямым продолжением общества советского в контексте практики «равнения на прошлое» – от сохранения и воспроизводства культурно-исторических практик до консервации культурных норм, стереотипов, ритуалов. Инерционная сила стереотипов и норм советского прошлого накладывается на усталость российского общества от реформ и кризисов, неоправдавшихся надежд и социальной несправедливости. В этой ситуации повторяющиеся черты и свойства социокультурного устройства общества, ставшие на протяжении существования России ее традиционными доминантами, стали источником запроса на перемены в модусе перехода к устойчивости, что сформировало зоны стабильности, послужившие точками роста социокультурных новаций. Инерционная составляющая в парадигме зависимости от предшествующего пути развития и опыта прошлого отчетливо проявляется в социокультурных изменениях современного российского общества, имеющего для этого все необходимые ценностные и институциональные основания, но она же служит основой для неизбежного появления новаций, основанных не на заимствовании, а на гармоничном, эволюционном росте.

7. Инерция власти и управления подчиняется общей логике инерционного механизма в социокультурных изменениях, т.е. характеризуется способностью сохранять или очень медленно изменять состояние властной и управленческой систем в условиях продолжающегося воздействия прошлого

социального опыта. Сложности социальной трансформации привели к тому, что российская власть, осознав свои корпоративные интересы и ценности в условиях глобального противостояния, стала эволюционировать в направлении «сильного государства», а тема культурно-цивилизационного вызова становится одной из актуальных. Инерция державного величия в политико-идеологических доктринах и практиках российской элиты отчетливо воспроизводит прежние, советские представления о государственном строительстве и управлении – о государственном величии и державной солидарности, о значимости героизма и самопожертвования. Однако в условиях, когда политическая эффективность неизбежно должна отвечать актуальным вызовам, субъектность выходит в число определяющих показателей инерционных властно-управленческих практик, направленных на сохранение и развитие. *Механизм и инварианты инерционности в социально-политической и управленческой практике* проявляются в стремлении их субъектов: а) перейти от установки на сохранение существующего состояния дел к концепции развития, с опорой на предыдущие социальные практики и элементы прошлого социального и культурного опыта; б) в целях поддержания устойчивости социокультурной системы сохранить социальный порядок.

8. Инерционность в адаптивных практиках повседневного существования связана с повседневной социокультурной средой («давление повседневности»), структурными элементами которой являются: система социальных отношений и взаимодействий в определенном пространстве деятельности; культура, традиции и обычаи; условия непосредственной жизнедеятельности. Адаптивные практики повседневного существования в современной социокультурной среде во многом базируются на инерции отчуждения в контексте социокультурных изменений, но также и на практиках выхода из собственных микромиров с принятием в качестве нормы активных практик социального участия. Кризис субъектности и культуры участия, упрощение социальных практик, зачастую в формате архаизации, в условиях противостояния есть один из возможных вариантов адаптации к кризисной социокультурной реальности российского общества. Другим фактором влияния

является разворачивающийся алгоритм конструирования этой реальности через активное ее преобразование в духе любви в Родине. На данный момент дискурс государственного патриотизма являет собой важнейшую составляющую инерционного механизма в социокультурной динамике российского общества, используемый в качестве инструмента не только социально-политической стабилизации, но и развития в целом. Важным измерением инерционности в адаптивных практиках повседневности выступает социальная адаптация в пространстве праздничной культуры как составной части повседневного существования, когда власть стремится закрепить свои позиции, в том числе и во внешних формах повседневной культуры.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования. Научно-теоретическая значимость исследования состоит в приращении научного знания в области изучения феномена инерции в рамках разработки философской концепции социокультурной инерции, ориентированной на исследование изменений в современном российском обществе и культуре.

Теоретические позиции диссертации, в том числе связанные с разработкой когнитивной схемы исследования и понятийного инструментария, могут стать основой перспективных разработок в области дальнейших «замеров» инерционных процессов в различных сферах общественной жизни и в социокультурной системе общества в целом, расширяя горизонты осмысления трансформаций российской культуры.

Проведенное исследование, связанное с выявлением средствами философского анализа механизма инерции в динамике социокультурных изменений в современном российском обществе, может привлечь внимание к дальнейшей разработке соответствующих проблем не только научной общественности, но и практических работников, специалистов и экспертов в сфере социального развития и прогнозирования, социокультурной динамики.

Практическая значимость исследования определяется тем, что результаты проведенного исследования, теоретические подходы и некоторые положения прикладного характера могут быть использованы для расширения диапазона

консультационных возможностей политической власти и управленческих структур, для реализации образовательных программ в учебно-образовательной деятельности, при подготовке учебных пособий и разработке специальных курсов в вузах по таким дисциплинам как социальная философия, социология, культурология, а также стать основой для подготовки соответствующих спецкурсов, научно-методических и учебно-методических вузовских пособий.

Результаты диссертационного исследования внедрены в учебный процесс федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Самарский государственный университет путей сообщения» при разработке курса «Социология» по направлению подготовки 38.03.03 Управление персоналом.

Личный вклад автора заключается в разработке авторской концепции социокультурной инерции, под которой понимается механизм самосохранения и воспроизводства социокультурной системы путем сопротивления новациям, не соответствующим социокультурному ядру, образованному совокупностью культурно-антропологических практик и системой ценностей, в выделении трех типов социокультурной инерции – прогрессивного, регрессивного и нейтрального, в выявлении в социокультурной ткани российской реальности культурных инвариантов инерции в социально-политических и управленческих практиках, повседневности, актуального прошлого, в обосновании не только регрессивных стратегий инерционного механизма, но также и позитивных сценариев, основанных на субъектности и активных стратегиях участия в жизни страны.

Достоверность научных положений, выводов и рекомендаций диссертационного исследования подтверждается обоснованной авторской концепцией социокультурной инерции, выраженной в постановке цели, задач, положений новизны и положений, выносимых на защиту; достаточной разработанностью степени изученности заявленной проблемы, обращением к адекватной объекту методологии исследования. Достоверность выводов и результатов обусловлена применением междисциплинарной, философско-

культурологической методологии к исследованию феномена социокультурной инерции.

Соответствие паспорту научной специальности. Исследование соответствует Паспорту научной специальности 5.7.8. Философская антропология, философия культуры, а именно: п. 46. «Тенденции динамики культуры»; п. 62. «Традиции и инновации в философии культуры»; п. 68 Культура и социум; п. 74. «Исследование конкретных культурных феноменов в контексте общих закономерностей существования культуры».

Апробация диссертации. Основные положения, выводы и рекомендации, изложенные в диссертации, апробированы на конференциях международных, всероссийских и региональных научных и научно-практических конференциях. Результаты диссертации отражены в 32 научных публикациях, а основные результаты опубликованы в 21 статье в журналах из Перечня ВАК при Минобрнауке России, изданиях, включенных в наукометрические базы данных Web of Science и Scopus-2.

Структура работы определяется целью и задачами исследования. Диссертационное исследование состоит из введения, пяти глав, включающих десять параграфов, заключения и списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В введении обосновывается актуальность темы; определяется степень ее научной разработанности; формулируются объект и предмет, цель и задачи исследования; раскрываются теоретико-методологические основы работы; определяется научная новизна и практическая значимость диссертации; указывается апробация результатов проведенного исследования.

В первой главе **«Социокультурная инерция: методологические проблемы и основания исследования»** выявляются границы проблемного поля философской рефлексии социокультурной инерции; разрабатывается авторское концептуальное пространство интегрального характера в изучении инерции в культуре; предложен

авторский методологический конструкт социокультурной инерции как механизма самосохранения и воспроизводства социокультурной системы путем сопротивления новациям, не соответствующим социокультурному ядру, образованному совокупностью культурно-антропологических практик и системой ценностей; а также выделены типы социокультурной инерции.

В первом параграфе **«Феномен инерции в социально-гуманитарном и философском дискурсе»** отмечается, что многообразие теоретических подходов к исследованию инерции в социальной и культурной сферах привело к тому, что в настоящее время концепт «социокультурная инерция» употребляется как в онтологическом смысле, отражающем объективно существующие процессы и явления, так и в эпистемологическом смысле, заключающемся в использовании данного концепта для анализа социальной и культурной реальности в конкретных науках.

При этом преобладающей является постановка и актуализация данной проблематики в философском познании, что диктуется соображениями, связанными с особенностями проявления данного феномена и большей концептуальной проработкой инерции в философском дискурсе. Введение соответствующего концепта в проблемное поле исследований культуры вызвано необходимостью учета влияния факторов, выходящих за границы социо-экономической детерминации, осознанием действенности сил способных затормозить развитие и нейтрализовать новации.

Необходимость в тщательном теоретическом анализе феномена социокультурной инерции объясняется не только возросшей популярностью проблематики на уровне эмпирических исследований, но также развитием технологий трансформации традиционных обществ, часто губительных для последних. Как научная проблема социокультурная инерция (инерционность культуры) имеет свою историю исследования в направлениях и подходах, обращающихся к понятиям развития и стагнации, системы, капитала, в том числе социального и культурного. Авторская позиция заключается в «понижении» уровня концептуального схватывания совокупности феноменов, связанных с

изменениями в культуре и обществе. Обращении к понятиям культурно-исторической и культурно-антропологической практики в качестве базовой «материи» как возможного изменения, так и его отсутствия. С этой методологической позиции культура не столько «имеет значение», а значит несет определенную ценностную установку, сколько действует. В том числе как в формате изменений (социокультурной динамики), так и отсутствия изменений, сохранения существующего положения и сложившихся практик (социокультурная инерция).

Опыт такого понимания сущности и дефинирования явления социокультурной инерции в социально-гуманитарном познании противостоит логике позитивного восприятия изменений и свидетельствует об отсутствии единой и общепризнанной интерпретации самой инерции. Существует немало подходов, привнесенных из разных научных отраслей (психология, социальная психология, социология, экономика, история), по-разному освещающих теоретические аспекты данного концепта. Включенность инерционных процессов в механизм социокультурной динамики жестко ставит вопрос о необходимости разработки методологического пространства исследования данного явления, обеспечивающего, с одной стороны, интегральный характер использования имеющегося дисциплинарного опыта в изучении социокультурной инерции, а с другой, такое методологическое пространство возможно сконструировать в границах философской рефлексии, способной сохранить понимание происходящих изменений в культуре как основы для динамики в других сферах.

Анализ и обобщение накопленного теоретического потенциала в области изучения социокультурной инерции, предпринятый во втором параграфе **«Инерция в социокультурной динамике: методологические конструкты»** позволяет рассматривать ее как феномен, включенный в механизм социокультурных изменений и обладающий свойством сохранения социокультурной системой ее собственных (уникальных) характеристик, препятствуя становлению новых под влиянием эндогенных и экзогенных факторов и закрепляя, тем самым, траекторию устойчивого развития в формате

актуализированного опыта прошлого. В этой своей функциональной предзаданности социокультурная инерция может рассматриваться как механизм самосохранения и воспроизводства культуры путем сопротивления новациям, не соответствующим социокультурному ядру, образованному совокупностью культурно-антропологических практик и системой ценностей.

Исходя из этого, инерционность социокультурной системы, как способность сохранять свое состояние (культурно-антропологические практики) в условиях продолжающегося воздействия (как собственного, так и внешнего культурного опыта), определяет характер социокультурных изменений и их вектор в координатах «устойчивости-неустойчивости», «прогрессивности-регрессивности», «архаизации-модернизации» в зависимости от того, какой характер примет сама социокультурная инерция – прогрессивный, регрессивный или нейтральный. При этом механизм инерции в социокультурных изменениях обеспечивается конфигурацией и характером взаимодействия инвариантов и вариантов, порождаемых социокультурной системой, имманентно обладающей свойством инерционности. Их конфигурация и уровень комплиментарности обеспечивают степень интенсивности, тип инерции и характер ее влияния на социокультурные процессы.

В рамках предлагаемого методологического конструкта выделяются три типа социокультурной инерции в зависимости от характера ее влияния на социокультурные изменения: прогрессивный, регрессивный и нейтральный. В первом случае речь идет об эффективной модернизации, во втором – о регрессивной, а в третьем – о стагнации, когда новации никак не влияют на состояние социокультурной системы. Первый тип может быть охарактеризован сочетанием понятий устойчивости, прогрессивности и модернизации, что отражает актуализацию творческих потенциалов культуры через сохранение и развитие присущих ей практик, их усложнение с одновременным сохранением устойчивости. Второй тип несет негативные коннотации, связанные с примитивизацией, упрощением практик и архаизацией массового сознания. Но также здесь заложены и определенные противоречия, производные от самой

социокультурной реальности, в которой разворачиваются процессы, соотносимые с понятием социокультурной деградации. С социокультурной стагнацией традиционно ассоциируется отсутствие прогресса – в данном случае, в сфере социальной и культурной жизни, а потому это понятие по праву рассматривается как антонимичное модернизации и инновации.

Во второй главе **«Механизм инерции в исторической проекции социокультурных изменений российского общества»** социокультурный механизм проявления инерционной составляющей в российской истории определен как «турбулентный»; определены его охранительные функции в социокультурной динамике российского общества; дан философский анализ советского общества и культуры с учетом действия этого специфического механизма, обеспечивающего социокультурной системе траекторию устойчивого развития в экстремальной ситуации за счет повышения антиэнтропийного (энергийного) потенциала системы.

В параграфе **«Социокультурный механизм проявления инерционной составляющей в российской истории»** отмечается, что выявление и экспликация социокультурного механизма проявления инерционной составляющей в российской исторической реальности опирается на понимание последней как фрагмента, среза социокультурной реальности, который позволяет зафиксировать и оценить различные модусы проявления инерционной составляющей. Исторически обусловленные национальные, культурные и духовно-религиозные традиции, определяющие особенности менталитета, играют основополагающую роль в деле формирования и воспроизводства базовой составляющей социокультурного механизма проявления инерционной составляющей. В плоскости исторической реальности в социокультурный механизм проявления инерционной составляющей входят такие компоненты, как образ прошлого, воспроизводящийся в процессах социальной инерционности; инерция смуты; инерция ностальгии; а также инерция преодоления трудностей, мобилизации, народного подъема и консолидации перед лицом угрозы.

В плоскости исторической реальности российского общества фактор инерционности в социокультурных изменениях наиболее явно активизируется в периоды потрясений и кризисов, когда общество не готово к инновациям (культурным вариантам), и в стремлении к самосохранению актуализирует опыт прошлого (культурные инварианты), адаптируясь к изменившейся социокультурной реальности. Этот опыт содержит в себе в качестве устойчивых ориентиров исторического выбора, сформировавших «историческую колею» турбулентного типа, характеристики-антиномии на основе указанных нами компонентов инерционности: «порядок (сильная власть) – свобода (бунт, анархия)», опора на традицию – «историческая амнезия-ностальгия», «Восток» – «Запад» и др. Данные культурные инварианты активизируются в историческом сознании в зависимости от исторической ситуации, обладания или доступа к «культурному архиву», поколенческой специфики и культурной преемственности как стратегии самопознания и саморазвития.

В параграфе **«Советское общество в фокусе механизма культурно-исторической инерции»** прослежены векторы и траектории социальной инерции как свойства социальной системы в координатах преемственности между императорской Россией и советским периодом истории, между советской и постсоветской эпохами, позволяющие понять, что прецеденты и поведенческие практики, унаследованные от советского прошлого, с одной стороны, становятся своеобразным защитным ресурсом в противоречивых условиях переходного периода, с другой – в различных своих инвариантах выступают сдерживающим фактором на путях обновления, особенно, когда период турбулентности сменяется относительной стабильностью и общество нуждается в инновациях.

Рассмотрение советского общества неизбежно заставляет обратить внимание на инерционную составляющую, а выявление и экспликация различных векторов социальной инерции как свойства социокультурной системы позволяет проследить элементы квазипреемственности между царской и императорской Россией, и советским периодом истории. Советское бюрократическое государство унаследовало многое из старых институций эпохи Российской империи и тем

самым продолжило царскую традицию государственного строительства и управления.

Прежде всего, это инерция самодержавного правления, которая оказалась столь «удачной» для большевистского всевластия на новом витке исторического развития России. Достаточно отчетливо проявилась также инерция бюрократизации, которая органично наложилась на новые социально-политические и управленческие реалии. Отчетливо проявлялись также инерция принудительного труда, идущего от старой России и востребованная новой властью.

В обществе отчетливо проявлялась также инерция социокультурного раскола, а концепт социокультурного раскола в итоге обрел отчетливую семантическую и эмпирическую нагрузку. На новой волне социокультурного раскола «всплыли» на поверхность социума низшие классы. Новой властью была также подхвачена инерция манипулирования массовым сознанием и общественным мнением.

Выявление тематически-смысловых аспектов инерции прошлого в советском обществе свидетельствует, что социальная инерционность проявлялась и через собственно советские феномены. Так, инерция агрессивности и психологии «осажденной крепости» сказывалась на протяжении всего советского периода. Не менее значимой оказалась инерция страха – порождение сталинской тоталитарной системы. Собственно, советским явлением стала и инерция «ресурсно-сырьевого проклятия», когда сырьевая экономика почти автоматически воспроизводит ресурсный социум. Так в советском обществе все более явно проявлялась функциональная значимость инерции прошлого, когда власть ставила человека в состояние полной зависимости и подчиненности.

В третьей главе **«Советское прошлое в пространстве социокультурных изменений современного российского общества»** исследуется инерционная сила стереотипов и социальных прецедентов советского прошлого как политического, социального и идеологического опыта, которая накладывается на устойчивые и повторяющиеся черты и свойства социокультурного устройства общества, ставшие

на протяжении многовекового существования России ее традиционными доминантами и часто воплощающиеся через модус травмы и ностальгии.

В параграфе **«Динамика инерционной зависимости современного российского общества от советского прошлого»** механизм инерционной зависимости настоящего от советского прошлого связывается с происходящими политическими процессами, представляющими собой развертывание политики в виде упорядоченной последовательности единичных действий и взаимодействий, связанных определенной смысловой логикой. В постсоветской России прервана наследственность таких реалий советского прошлого как власть-собственность, фактически безраздельная власть политической бюрократии-неономенклатуры; безразличие власти к общественному мнению и соблюдению прав человека. Из советского прошлого власть перенимает механизмы государственного управления, экономического и социального контроля. Своеобразной неизбежностью российской современности стало неумолимое советское прошлое, используемое отдельными политическими элитами в виде ресурса символической легитимации своего правления.

Динамика инерционной зависимости настоящего от советского прошлого проявляется в стремлении воспроизвести в новой социокультурной реальности интенции державного величия и антизападничества, что в условиях глобального противостояния более чем оправданно, но также фундировано глубинными механизмами социокультурной инерции. Инерция державного величия в политико-идеологических доктринах и практиках российской элиты противоречиво накладывается на проблематику десталинизации общества как преодоление синдрома державности, обратной стороной которого является запрос на эффективность. В массовом сознании и исторической памяти на смену знанию о былой реальности приходит набор коллективных образов исторического прошлого, формируемых различными социально-культурными механизмами в русле целенаправленных усилий российской политической и интеллектуальной элиты.

Параграф **«Феномен «социального повторения» в социокультурных изменениях современного российского общества: институциональное и ценностное измерение»** посвящен феномену «социального повторения», который тесно связан с состоянием социокультурного пространства, в котором радикальные изменения «размыли» привычные контуры жизненного порядка, социального взаимодействия и культурной идентификации, деформировали социализационные векторы, а институциональные и ценностные изменения сопровождаются процессом переструктурирования или даже разрушения его прежних контуров, реагируя на возрастающие риски современности. В связи с этим проблема повышенной рискогенности социокультурной ситуации актуализируется, приобретая особое звучание и смысловую насыщенность.

В российском обществе наблюдается и ценностная трансформация, заключающаяся в появлении двух полярных типов мировоззрения, сторонников «традиционалистской» и «модернистской» ориентации. Различия между этими типами мировоззрения проявляются в оценке исторического прошлого страны, в представлениях об эпохе, в которую они хотели бы жить, во взглядах о том, какие социальные силы способствуют развитию страны. На почве ценностной и институциональной «ломки», в результате влияния драматичного по своим последствиям раздела страны и отделения республик в духовной жизни общества произошла резкая идейно-культурная поляризация, отчетливо вписанная в феномен «социального повторения».

Показатели проявления инерционности в парадигме «социального повторения» в российском обществе отражают, в том числе, его неготовность к серьезным изменениям, связанным с новыми рисками, что подменяется попытками обрести опору дополнив привычные формы общественного бытия теми, которые сокрыты в архетипах массового сознания.

Проявление инерционности в парадигме «социального повторения» сопряжено с тенденцией дегуманизации и деморализации общества, что, в свою очередь, взаимодействует с «вызовом современности», влияющим на многие обстоятельства жизненного существования. Влияние «вызовов современности»,

разрушающих сложившийся уклад жизни, показывает одновременно и привычные стереотипы поведения, и новые навыки, и устремлённость в будущее, и невозможность окончательно порвать с прошлым, что заставляет охарактеризовать подобную ситуацию как кризис социокультурных оснований.

В четвертой главе **«Культурные инварианты инерционной траектории социокультурной динамики российского общества: анализ социокультурных практик»** решаются задачи выявления культурных инвариантов инерции в отечественных социально-политических и управленческих практиках, а также в повседневных практиках.

В параграфе **«Инерция в социально-политических и управленческих практиках современного российского общества: культурные инварианты»** рассматривается эволюционное усложнение современных социально-политических и управленческих практик, что формирует свойства и черты, которые слабо улавливаются имеющимися концепциями философского знания. В этом смысле анализ механизма и инвариантов инерционности заставляет обратить внимание на символические аспекты человеческого поведения и их взаимосвязь со стратегиями социокультурного развития, а инерционная составляющая увязывается с целенаправленным манипулятивным воздействием стоящими у власти субъектов на сознание и поведение масс, включая параметры и цели социального конструирования.

В условиях глобального противостояния не только на уровне политических систем и систем управления, но социокультурной структуры в целом, субъектность переходит в разряд главного показателя инерционных практик, предназначенных для эффективного управления индивидуальным и общественным сознанием и поведением, а инерционная составляющая проявляется в обществе в условиях утраты преобладающей части населения уверенности в будущем, непониманием причин и сущности происходящего, нежеланием принимать «на веру» все то, что предлагается СМИ, зачастую осуществляющими деструктивное психологическое воздействие.

Механизм и инварианты инерционности в процессах конструирования социальной и политической реальности проявляются в таких векторах и траекториях как, стремление сохранить стабильность социально-политической системы при помощи элементов прошлого социокультурного опыта, и социальных практик в виде социального повторения и подражания, стремление в целях поддержания устойчивости системы к сохранению социального порядка, несмотря на социальную и политическую неопределенность, что в итоге воплощается в концепциях устойчивого развития.

Процессы социокультурных изменений в современных российских условиях отличаются разнонаправленностью, что обостряет противоречия между различными формами предоставления властных отношений, а также между различными уровнями политической активности. Эти противоречия выступают как проявление нарушения системного характера политической реальности и государственно-управленческой сферы и во многом связаны с проявлением инерционности в организационно-управленческих практиках. В целом процесс адаптации к работе в рыночных условиях осложняется инерционным наследием советской системы.

Проявление инерционности в управленческих практиках было связано с процессами становления новой управленческой бюрократии. Второй виток инерции бюрократизации наложился на новые социально-политические и организационно-управленческие реалии. Вместо былой советской номенклатуры формируется неономенклатура. Недаром сущность бюрократии наиболее ярко проявляется через понятие «класс», «корпорация», поскольку она имеет свои интересы, часто отличные от общественных. Кроме того, бюрократическая система управления формирует особый тип личности. Бюрократизированный индивид характеризуется специфической этикой политического и идейно-морального конформизма, психологией верности существующим порядкам, ориентацией на соответствие мнениям и требованиям непосредственного окружения.

Инерционность в деятельности бюрократии во многом связана с тем, что политические изменения и реформы инициировала власть, которая была и остается

основным субъектом процессов трансформации реформирования. Инерционность управленческих практик естественным образом вбирает в себя модус изменения и развития перед лицом угрозы, внешней или внутренней.

Параграф **«Культурные инварианты в адаптивных практиках повседневной жизни российского общества: инерционное измерение»** посвящен анализу адаптивных практик повседневного существования в современной социокультурной среде, которые во многом базируются на инерции маргинального быта в модусах принятия или отторжения. Формы коммунального быта накладывали серьезный отпечаток на мышление и психологию людей. Усиление маргинализации привело к интеграции маргинальной системы ценностей (социальное нетерпение в его крайних формах, склонность к максимализму и упрощённым решениям, негативизм по отношению к существующим общественным институтам) в широкие общественные круги.

Инерции подобного маргинального быта, берущего свое начало из советской «коммунализации», во многом определяет адаптивные практики повседневного существования и в современной социокультурной среде. Коммунальный быт и соответствующая психология маргинальных социальных слоев, осевшая в их «подсознании», остаются реальностью в условиях новой социальной действительности. Начинает работать инерция воспроизводства отчуждения в контексте повседневных социокультурных изменений. Человек теряет связь со своим внутренним миром, своей первоосновой и другими людьми, со всем тем, что и делает жизнь подлинно человеческой.

Кризис субъектности и культуры участия, упрощение культурных практик, зачастую в формате архаизации, в условиях усложняющегося современного социума есть результат адаптации к кризисной социокультурной реальности при разворачивающихся негативных сценариях алгоритмов конструирования этой реальности. Позитивный сценарий предполагает логику отторжения «коммунализации» с ярко выраженной тенденцией субъектности и индивидуализации модусов повседневного существования.

Важным измерением выступает социальная адаптация в пространстве праздничной культуры как составной части повседневного существования. Процесс перехода от «красного календаря», тесно связанного с празднованием государственно-партийных юбилеев, к современной модели государственных праздников, был определен тем, что власть стремилась закрепить свои позиции, в том числе, и во внешних формах повседневной культуры. В настоящее время в обществе на смену коллективистским началам и относительному культурному единству приходит избыточное многообразие, в своем максимуме ведущее к обособлению и отчуждению человеческой личности. В этих условиях процесс адаптации в пространстве праздничной культуры сохраняет свое значение, выступая составной частью социокультурной инерционности в адаптивных практиках повседневного существования.

В пятой главе **«Фактор социокультурной инерции в практике российской модернизации»** обосновывается тезис о том, что российская модернизация как индикатор социокультурной динамики протекает в условиях неблагоприятной социокультурной среды с точки зрения смыслового и практического контекста сценариев модернизации. Эта среда характеризуется мощным влиянием инерционных процессов регрессивного содержания, поскольку внешний фон глобального противостояния способствует усилению разрушительных тенденций, в которой архаическое уже не может стать основой эффективного социокультурного развития, а современное может восприниматься как чужое, опасное, неопределенное, рискогенное и нестабильное.

В параграфе **«Социокультурная инерция в практике российской модернизации»** делается вывод, что общество устало от реформ и неудачных сценариев модернизации. Возникший запрос на перемены не касается коренных преобразований социальной и культурной среды. Это запрос на стабильность, а потому тем важнее проникнуть в содержание инерционного механизма в социокультурных изменениях российского общества – этот механизм основывается на глубинных социокультурных пластах – культурных инвариантах, обойти которые невозможно на пути к инновационной модернизации, а потому

имеет смысл отказаться (во всяком случае, на современном этапе) от проекта инновационной модернизации и остановиться на социокультурной модернизации, которая будет близка, понята и комплиментарна социокультурной системе общества.

Российская модернизация сталкивается с серьезными трудностями. Со временем становится все более очевидным, что «приведение к современности» не может носить только экономический характер, а процессы модернизации и порождаемые ими проблемы имеют глубокие связи с антропологической ситуацией, поскольку прецеденты истории заполняются и редактируются человеческой личностью, действующей в конкретной социокультурной среде. Выявление условий и обстоятельств проявления инерционности в смысловом контексте российской модернизации выводит на понимание социокультурного прошлого как ее модернизационного ресурса.

В параграфе **«Вектор и альтернативы социокультурных изменений в российском обществе в координатах специфики проявления инерционных процессов»** делается вывод, что атрибуты и прецеденты информационного общества требуют от человека высокой интеллектуальной мобильности, умения оперативно принимать квалифицированные решения, адекватные быстро меняющейся ситуации. Нарастающая структурная сложность и изменчивость современного мира, быстрая смена социальных и информационно-коммуникационных технологий вынуждает современного человека осваивать нарастающие объемы культурной информации. Кроме того, условиями эффективности модернизации являются: 1. формирование и развитие креативного общества; 2. формирование социально-ответственного класса, наличие которого только и может обеспечить переход к качественным изменениям; 3. изменение повседневных практик; 4. создание индивидуально-структурного поля деятельности, включающего институционализацию социальных творческих практик и социальную солидарность.

Социокультурные ресурсы позитивной инерционности в большей мере направлены на сохранение стабильности социокультурной системы, но явно

недостаточны для активных трансформационных процессов. Тем не менее, задача предотвращения негативного сценария социокультурной динамики – социокультурной деструкции как следствия закрепления стратегии социокультурной деградации – остро стоит перед российским обществом, а потому мы полагаем, что необходимо включить в дискурс и практику модернизации, как модернизации социокультурной, механизм социальной инерции как системный элемент социокультурной динамики и выразитель субстанциональных признаков социокультурной системы, важных для реализации модернизации прогрессивного типа.

ПУБЛИКАЦИИ, В КОТОРЫХ ОТРАЖЕНЫ РЕЗУЛЬТАТЫ ДИССЕРТАЦИИ

Публикации в журналах, включенных в Перечень Минобрнауки России

1. Гнатюк, М.А. Воплощение инерционной составляющей в российском обществе в парадигме зависимости от предшествующего пути развития / М.А. Гнатюк // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2017. № 3 (195). С. 9–13. – 0,6 п.л.;
2. Гнатюк, М.А. Социокультурный механизм проявления инерционной составляющей в российской исторической реальности: социально-философский подход / М.А. Гнатюк // Научная мысль Кавказа. 2017. № 2 (90). С. 19–22. – 0,5 п.л.;
3. Гнатюк, М.А. Проявление инерционности в системе государственного управления современной России в условиях деформированной корпоративной культуры / М.А. Гнатюк // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 11. С. 204–208. – 0,6 п.л.;
4. Гнатюк, М.А. Социальная инерционность в смысловом контексте российской модернизации / М.А. Гнатюк, Г.А. Воробьев // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 7. С.125–130. – 0,7/0,3 п.л.;

5. Гнатюк, М.А. Изучение проблематики социальной инерции в социально-гуманитарном знании / М.А. Гнатюк // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 7. С. 58–63. – 0,7 п.л.;
6. Гнатюк, М.А. Тематически-смысловые аспекты проявления инерции прошлого в советском обществе: социально-философский подход / М.А. Гнатюк // Философия права. 2017. № 3 (82). С. 7–10. - 0,5 п.л.;
7. Гнатюк, М.А. Теоретико-методологический конструкт изучения социальной инерции в динамике российских социокультурных изменений / М.А. Гнатюк // Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 3. С. 21–26. - 0,6 п.л.;
8. Гнатюк, М.А. Механизм и порождающая динамика инерционной зависимости современного российского общества от советского прошлого: социально-философский анализ / М.А. Гнатюк // Общество: философия, история, культура. 2017. № 6. С. 26–28. – 0,5 п.л.;
9. Гнатюк, М.А. Феномен социальной инерции как предмет социально-философского изучения / М.А. Гнатюк // Гуманитарий Юга России. 2017. Т. 6. № 2. С. 118–125. – 0,8 п.л.;
10. Гнатюк, М.А. Интенция державного величия в политико-идеологических доктринах и практиках российской элиты в контексте социальной инерционности / М.А. Гнатюк // Гуманитарий Юга России. 2017. Т. 6. № 3. С. 69–76. – 0,7 п.л.;
11. Гнатюк, М.А. Феномен социального повторения в ходе институциональных и ценностных изменений в российском обществе / М.А. Гнатюк // Гуманитарий Юга России. 2017. Т. 6. № 4. С. 99–106. – 0,7 п.л.;
12. Гнатюк, М.А. Социальная инерционность в российском обществе в адаптивных практиках повседневного существования / М.А. Гнатюк // Гуманитарий Юга России. 2017. Т. 6. № 5. С. 73–81. – 0,7 п.л.;
13. Гнатюк, М.А. Социокультурные параметры российской модернизации в контексте оппозиции «инерционность – креативность» / М.А. Гнатюк // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2017. № 4 (196). С. 5–9. – 0,6 п.л.;

14. Гнатюк, М.А. Механизм и инварианты инерционности в процессах конструирования социальной и политической реальности / М.А. Гнатюк // Гуманитарий Юга России. 2018. Т. 7. № 1. С. 87–93. – 0,6 п.л.;
15. Гнатюк, М.А. Социальные ресурсы преодоления инерционности в сценариях и практике российской модернизации / М.А. Гнатюк // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 7. С. 96–101. – 0,6 п.л.;
16. Гнатюк, М.А. Социальная инерция в динамике социокультурных изменений российского общества: специфика научного дискурса и методологические параметры исследования / М.А. Гнатюк // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8. № 5. С. 78-96. – 2,2 п.л.;
17. Гнатюк, М.А. Социальная инерция в контексте диалектики общественного развития: исследование российского общества / М.А. Гнатюк // Социально-гуманитарные знания. – 2023. – № 8. – С. 49-52. – 0,5 п.л.;
18. Гнатюк, М.А. Противоречия социокультурных изменений в российском обществе: анализ факторов инерции и инновации / М.А. Гнатюк // Человек. Общество. Инклюзия. – 2023. – № 3 – С. 50-58. – 0,7 п.л.;
19. Гнатюк, М.А. Сложность и противоречивость социального мира: редукция через практическую актуализацию и инерционность / М.А. Гнатюк // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2023. – Т. 12, № 5-6-1. – С. 158-166. – 0,6 п.л.;
20. Гнатюк, М.А. Концепт социальной инерции: функциональные механизмы и проявление в социальности и социокультурных изменениях / М.А. Гнатюк // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2023. – Т. 12, № 5-6-1. – С. 167-174. – 0,6 п.л.;
21. Гнатюк, М.А. Трансформация социальности в постсоветской России: роль и влияние социальной инерции / М.А. Гнатюк // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. – 2023. – № 5. – С. 77-81. – 0,5 п.л.;

**Публикации в изданиях, индексируемых в международных
научнометрических базах Scopus и/или Web of Science**

22. Vereshchagina, A. Social Inertia as a Destructive Factor in the Development of the Innovative Economic System in the Russian Federation / A. Vereshchagina, M. Gnatyuk, I.V. Pechkurov, S. Kulikov, N. Osipova // Journal of Applied Economic Sciences. – 2018. – Vol. 13. – №5(59). – P. 1406 – 1421. – 1,8/0,4 п.л.;

23. Vereshchagina, A. Sociocultural Parameters of Demonstrative Consumption in Russian Society: The Effect of Social Inertia. / A. Vereshchagina, M. A. Gnatyuk, I. V. Pechkurov [et al.] // Revista San Gregorio. – 2019. – No. 36. – P. 261-276 – 1,8/0,4п.л.;

Монографии

24. Гнатюк, М.А. Социальная инерция в динамике социокультурных изменений: инварианты проявления в российской реальности: монография / М.А. Гнатюк. – Самара: Издательство СамГУПС, 2018. – 228 с. – 14,3 п.л.;

Публикации в других научных изданиях

25. Гнатюк, М.А. Преодоление инерционного сценария в практике российской модернизации: ресурсный подход / М.А. Гнатюк // Наука. Образование. Современность. – 2017. – № 3-4. – С. 25-29. – 0,5 п.л.;

26. Чикарлова, Г.И. Инерционность социально-экономических представлений населения Юга России / Г.И. Чикарлова, М.А. Гнатюк, Н.В. Талалаев // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2018. № 4. С. 201–205. – 0,5/0.2 п.л.;

27. Хоровинников, А.А. Социальная инерция как феномен системных противоречий общественно-экономического развития / А. А. Хоровинников, М. А. Гнатюк, С. И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2018. – № 7. – С. 63-66. 0,4/0,2 п.л.;

28. Гнатюк, М.А. Социальная инерция и социокультурные изменения в российском обществе в фокусе социально-философской теоретической рефлексии: монография /М. А. Гнатюк - Ростов На Дону.: Фонд науки и образования, 2019. – 47 с. – 2,2 п.л.;

29. Гнатюк, М.А. Феномен инерционности в современном российском обществе: социокультурные трансформации / М.А. Гнатюк // Лосевские чтения: Материалы XX юбилейной международной научной конференции, Новочеркасск, 25-26 сентября 2023 г. – г. Новочеркасск: Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, 2023. – С. 20-26. – 0,6 п.л.;

30. Гнатюк, М.А. Динамика инерционной зависимости настоящего России от Советского прошлого / М.А. Гнатюк // Прорывные научные исследования: проблемы, пределы и возможности: сборник статей Международной научно-практической конференции, г. Омск, 02 июля 2024 г. – Уфа: OMEGA SCIENCE, 2024. – С. 32-34. – 0,3 п.л.;

31. Гнатюк, М.А. Инерционность социокультурных изменений в адаптивных практиках / М.А. Гнатюк // История, политология, социология, философия: теоретические и практические аспекты: сборник статей по материалам LXXXII международной научно-практической конференции, г. Новосибирск, № 7 (64), 2024 г. - Новосибирск: Изд. ООО «СибАК», 2024. – С. 33-38. – 0,4 п.л.;

32. Гнатюк, М.А. Инерционная составляющая в российской исторической реальности: механизмы и условия воплощения / М.А. Гнатюк // Экспериментальные и теоретические исследования в современной науке: сборник статей по материалам СII международной научно-практической конференции, г. Новосибирск, № 6 (94), 2024 г. - Новосибирск: Изд. ООО «СибАК», 2024. – С. 100-105 – 0.4 п.л..